

УРАЛЬСКИЙ БРИЛЛИАНТ В КОРОНЕ НАУКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (вклад профессора Г. В. Игнатенко в развитие современной науки международного права)

В. БУТКЕВИЧ

*доктор юридических наук, профессор,
академик АН ВШ Украины,
судья Европейского суда по правам человека
в отставке*

*Для юриста очень важно
не быть формалистом, не мыслить узко,
для него очень важно пробовать менять право,
а не замыкаться только на его толковании.*

А. Кассезе¹

Вынесенные в эпиграф слова были жизненным кредо одного из величайших ученых науки международного права второй половины XX — начала XXI в. — Геннадия Владимировича Игнатенко. Его вклад в науку международного права не исчерпывается лишь российской или украинской юридическими науками. Профессор Г. Игнатенко — это человек, который навсегда останется на скрижалях мировой науки международного права как ученый, который пытался изменить и во многом изменил эту науку, сделав более эффективной, более востребованной не только государствами, как это было ранее, а, что особенно важно в наше время, физическими и юридическими лицами.

Лишь несколько месяцев он не дожил до своего 85-летия. Ни болезни, ни чрезмерная загруженность не смогли повлиять на его бурную, неустанную деятельность, как на поприще науки, так и в практической юриспруденции.

Когда было решено издавать журнал «Международное право»², первым намерением было пригласить в редакционный совет профессора Г. Игнатенко. Для журнала это была бы не только большая честь, но и помощь в налаживании процесса выпуска издания. Под сомнением оставалось лишь согласие самого Геннадия Владимировича. Ведь столько вузов, государственных учреждений, журналов и общественных объединений пользовались его помощью или надеялись получить ее.

¹ Кассезе А. Пять корифеев международного права. — Оксфорд, 2011.

² Приложение к юридическому журналу «Право Украины».

Я позвонил профессору Г. Игнатенко за неделю до того, как произошло скорбное событие. Геннадий Владимирович был болен. Но когда я его попросил оказать помощь в налаживании процесса выпуска нового украинского журнала «Международное право» и дать согласие на вхождение в состав его научного совета, он, не задумываясь, сразу согласился. Еще и отметил: «Вы не забывайте, что мои корни из Украины (родители Г. Игнатенко были родом из села Пристромы (ныне — Киевская область. — В. Б.) и я всегда чем мог помогал украинцам и рад, что я и сейчас востребован украинскими учеными и практикующими юристами». Мы договорились, что содержание первого выпуска журнала будет направлено ему для замечаний, но, к сожалению, 19 января 2012 г. Геннадия Владимировича не стало. Как писали его коллеги из Уральской государственной юридической академии: «Геннадий Владимирович — прекрасный человек и выдающийся ученый. Был Учителем в самом высоком смысле этого слова. Его отличала высокая эрудиция, новизна суждений, неординарность мышления; всегда был искренне увлечен своей работой. Он был высокоинтеллектуальным, чутким, удивительно жизнелюбивым человеком с превосходным чувством юмора».

Можно лишь с грустью констатировать, что российская наука международного права понесла невосполнимую потерю, а мировая наука международного права утратила выдающегося корифея. На педагогическом поприще больше не будет звучать слово талантливого преподавателя, искреннего друга студентов, который всегда по-отечески к ним относился. Он ценил в людях добропорядочность, интеллигентность, вежливость, поскольку сам был наделен этими качествами сполна. Нередко говорят об урало-сибирско-дальневосточной школе профессора Г. Игнатенко. Но оснований говорить о его украинской школе не меньше.

Школа Г. Игнатенко — это не география и даже не отдельные вузы; школа Г. Игнатенко — это направление в современной науке международного права, это завтрашний день этой науки, в которой идеи и мысли талантливого ученого и педагога будут развивать его коллеги, ученики, студенты.

Жизненный путь профессора Г. Игнатенко. Семья Игнатенко проживала в селе Пристромы Переяславского уезда Полтавской губернии (в 1921 г. уезд перешел к Киевской губернии). Тяжелые экономические условия в Украине конца XIX — начала XX ст. заставляли украинские семьи искать лучшей судьбы в Канаде, США и даже в Австралии. Семья Игнатенко переселилась на Дальний Восток России. В г. Хабаровске 27 ноября 1927 г. у Владимира Игнатенко родился сын Геннадий. В семье Игнатенко воспитывали в детях любовь и уважение к отцовскому дому, своим предкам, родине — Украине. И эту любовь Геннадий Владимирович пронесет через всю свою жизнь. Брат Геннадия Владимировича проживал в Киеве, это побуждало его при первой же возможности посещать Киев, а отсюда он искал возможность для поездки в Переяслав-Хмельницкий.

Помню, как в 1975 г. Геннадий Владимирович в очередной раз приехал в Киев (конечно, как всегда для оппонирования диссертации) и спросил меня, нельзя ли помочь ему съездить на родину отца в Переяслав-Хмельницкий район (село Пристромы расположено на живописной, легендарной реке Трубеж в 20 км от райцентра). Я поехал тогда с ним и своей женой, к нам присоединился еще профессор И. Лукашук с женой и мы провели там целый день. Возвращаясь вечером в Киев, Геннадий Владимирович сказал: «Когда мы выехали утром, у меня

от волнения даже сердце немного прихватило, а сейчас так легко на душе, будто со своими родителями повстречался. Отец всегда жил мечтой о своей Родине».

Получив образование, Геннадий Владимирович решил дальше изучать юриспруденцию в самом престижном вузе страны — Московском университете имени М. В. Ломоносова, который он окончил с отличием в 1952 г. На молодого специалиста обратили внимание ученые юридического факультета, и кафедра государственного права, а затем и ученый совет факультета рекомендуют Г. Игнатенко в аспирантуру.

Зная способности молодого ученого и его постоянное стремление к научному поиску, ученые кафедры понимали, что в этом случае научное руководство и контроль за написанием диссертации сведется к чисто формальным обязанностям. Его научным руководителем назначили доцента Л. Воеводина, который сам защитил диссертацию за три года до того, как Г. Игнатенко окончил юридический факультет (в защите докторской диссертации Геннадий Владимирович опередит своего научного руководителя почти на восемь лет).

Между научным руководителем и его аспирантом сложилась своеобразная научная конкуренция. Доцент Л. Воеводин, который только что вернулся из командировки в Китай, где разработал курс «Государственное право Китайской Народной Республики», предлагал аспиранту в качестве темы исследования, что-то из государственного права КНР. Геннадий Владимирович Игнатенко, которого уже тогда увлекли проблемы взаимодействия государства, общества, человека, обратит внимание своего руководителя на малоизученные проблемы гарантий прав и свобод человека, юридического статуса граждан и т. д. Впоследствии эти темы станут основополагающими в научной работе профессора Л. Воеводина.

А пока сошлись на том, что аспирант Г. Игнатенко будет работать над темой кандидатской диссертации: «Система представительных органов Китайской Народной Республики», которую он блестяще защитил 1 марта 1956 г. на специализированном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (ранее — Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного знамени государственный университет им. М. В. Ломоносова).

Методика написания кандидатских диссертаций на подобные темы в тот период была простой: брали конституцию государства, отдельные законы, переписывали их положения, сравнивали с положениями конституций и законов других государств, в первую очередь СССР, цитировали классиков марксизма-ленинизма, обязательный список отечественных ученых, которых нельзя было не процитировать или, по крайней мере, не назвать, приводили нередко заимствованные у других авторов выводы в качестве своих и утверждали, что без этой диссертации в дальнейшем ни юриспруденция, ни юридическая практика не смогут развиваться.

По материалам кандидатской диссертации Г. Игнатенко опубликовал в 1959 г. в Государственном издательстве юридической литературы свою монографию «Система представительных органов Китайской Народной Республики» (211 с.), а потому очень просто убедиться, что Геннадий Владимирович этим путем не пошел. Конечно, были ссылки на классиков марксизма-ленинизма, на отечественных ученых — без чего диссертацию не допустили бы к защите. Но это, можно сказать, дань требованиям ВАК СССР. Но не этим работа привлекает к себе внимание, а тем, что ученый не присоединился к советской схоластике

правовых исследований, а предложил работу, которая убеждала, что право, государство, механизмы правотворчества и правоприменения следует рассматривать и исследовать иначе, чем это было принято.

Именно тогда молодой ученый пришел к выводу, что толковать закон в статике — не совсем сложная задача, с этим могут справиться и те, кто не знает премудростей юриспруденции. Государство, закон, общество, права человека должны исследоваться в динамике, во взаимодействии, с проникновением в механизмы их создания, функционирования и, если нужно, анализа особенностей прекращения их функционирования.

Нельзя сказать, что в то время тема функционирования государственных органов в КНР не привлекала внимания исследователей. Работы Л. Каска, О. Артура, Г. Кима, М. Шафира, Г. Таврова, Н. Сударикова и других уже успели привлечь внимание исследователей на особенность государственных органов власти КНР. Именно они направляли научную мысль на анализ исторических аспектов создания государственных органов в КНР, толкование или просто пересказывание конституционного или законодательных текстов относительно деятельности этих органов и т. д. Геннадий Владимирович Игнатенко в свою очередь настаивал на необходимости их исследования сквозь призму динамического взаимодействия, как между собой, так и с новым формирующимся китайским обществом, и, что особенно важно, с обязательным выходом на правовой статус личности, права и свободы человека в китайском государстве. Не трудно догадаться, что для такого подхода конституционных и законодательных текстов слишком мало, тем более, что они довольно часто моделируют одно правовое состояние, а правовой режим функционирует другой и, как следствие, складывается совсем иная ситуация с правами граждан, чем то предполагалось.

Профессор Г. Игнатенко рассматривал государство, общество, человека не как схоластично набросанные модели, а, говоря языком современных исследователей, как живые организмы, функционирование и взаимодействие которых не всегда является результатом воплощения конституционных или законодательных основ.

Работа над диссертацией была окончена в 1955 г., подана на защиту, но ученый не прекратил исследование проблематики природы становления и развития национальной государственности. После рассмотрения этого вопроса на примере стран, как в то время говорилось, народной демократии он переходит к практически новой ситуации: исследованию таких вопросов в условиях перехода политических властных структур от колониальных режимов к формированию национально независимых государств.

Впрочем, пока молодой ученый должен был решать более прозаическую проблему: за какие средства жить, а значит, где найти работу, и такую, которая давала бы возможность заниматься научной деятельностью. Ученые университета, исходя из научного уровня написанной кандидатской диссертации, хотели бы оставить его в Москве, где сложились благоприятные условия для научной и педагогической деятельности. Но пресловутая «прописка» полностью исключала для него такую возможность. Выход был найден на компромиссном уровне: после защиты диссертации Г. Игнатенко берут на работу во Всесоюзный юридический заочный институт, но направляют по месту прописки — в его Хабаровское отделение. Таким образом, и с «пропиской» не придется «голову

ломать», и молодой ученый сможет чаще бывать в Москве и пользоваться фондами ее библиотек.

После пяти лет работы по направлению ученого в 1961 г. приглашают на работу в Свердловский юридический институт (ныне — Уральская государственная юридическая академия), в котором он проработал более 50 лет, до конца своей жизни. Здесь он эффективно работает над исследованием темы докторской диссертации «Основные закономерности образования государства в процессе национально-освободительной революции (правовое исследование)», которую успешно защищает в Ленинградском государственном университете 11 апреля 1968 г.

В Свердловском юридическом институте Геннадий Владимирович прошел все должности педагога вуза: преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор. Научное звание профессора ему присвоили в октябре 1969 г. В течение 27 лет (1971–1998) профессор Г. Игнатенко заведовал кафедрой иностранного государственного и международного права, а с 1998 г. работал профессором этой кафедры.

Владея несколькими иностранными языками, профессор Г. В. Игнатенко внимательно следил за новыми публикациями своих зарубежных коллег. Едва ли не впервые в студенческих аудиториях Свердловского юридического института профессор знакомил молодежь с результатами правовых исследований ведущих ученых современной зарубежной юридической науки: болгарина П. Радойнова и поляка Л. Антоновича, чеха В. Оутраты и немца П. Штайнигера, с научными разработками ученых США (Ф. Джесепп, В. Фридманн, О. Шахтер, Р. Фолк и других), Канады (Е. Макуинни, Р. Макдональд и др.), Франции (Ж. Сселль, С. Бастид, Ш Вишер, Ш. Руссо и др.), Великобритании (Р. Хиггинс, Дж. Фицморис, Х. Лаутерпахт, А. Мак-Нейр и др.), Германии (Г. Триппель, В. Кауфман, Г. Даам и др.), правоведов Австрии, Италии, Нидерландов и других стран.

Сегодня по студенческим стандартам элементарным требованием к преподавателю является знание и освещение современного ему уровня развития юридической науки. На то время это считалось пропагандой с кафедры института запрещенной буржуазной идеологии. Это требовало от преподавателя незаурядной смелости, однако за такую мужественность ему благодарны сотни выпускников вузов.

По свидетельствам студентов профессора Г. В. Игнатенко, его лекции охватывали как сложную теоретическую проблематику по соответствующей теме, так и многочисленные примеры из практики, которые только ему удавалось разыскивать в документах и материалах судов, правоохранительных органов, министерств и ведомств страны. Он лекцию не читал, он во время лекции дискутировал: со студентами в аудитории, со своими коллегами-учеными, нередко сам с собой, но всегда выходил на тот конечный результат, который он планировал оставить в желающих понять право во всех его проявлениях. То, что не удавалось раскрыть в лекциях из-за нехватки времени, предусмотренного учебными планами, он подавал в своих учебниках. Один лишь учебник «Международное право» выдержал пять переизданий за десять лет (1999–2009) и стал наиболее авторитетным и уважаемым не только у студентов России, но и Украины, других стран ближнего (и не только!) зарубежья.

Подтверждением его авторитета среди студенческой молодежи, таланта педагога и научного исследователя было избрание почетным профессором вузов России и Казахстана.

Значительное внимание профессор Г. Игнатенко уделял организации научной деятельности в стране. С 1964 г. он член сначала Советской, а затем Российской ассоциации международного права; с 1969 г. — член исполнительного комитета Советской ассоциации международного права; с 2000 г. — заместитель президента Российской ассоциации международного права; много лет был членом Международной ассоциации международного права; неоднократно избирался членом редколлегии «Советского ежегодника международного права». Будучи инициатором создания «Российского юридического журнала», он в течение 1993–2007 гг. работал его главным редактором, а в последние годы — членом редколлегии этого журнала, а также журнала «Правоведение» и членом редакционного совета «Московского журнала международного права». Он был одним из основателей информационного бюллетеня «Совет Европы и Россия».

Профессора Г. Игнатенко с почестями встречали во многих научных и учебных центрах мира, иногда по несколько раз приглашали к себе и, из-за неимоверной загруженности ученого, годами ждали его приезда, поскольку знали: ему есть что сказать, и результаты его научных исследований всегда выделяются новизной, доказательностью, необычным подходом к проблемам современности. Его слушали в студенческих аудиториях, на международных конференциях, круглых столах и встречах в Алматы и Киеве, Минске и Харькове, Варшаве и Пловдиве, Дели и Софии, Москве и Нью-Йорке, Ханое и Чатокуа, Тбилиси и Санкт-Петербурге, в Казани, Свердловске, Тюмени, Уфе и т. д. Цикл лекций профессора Г. В. Игнатенко прослушали студенты и аспиранты Киевского, Латвийского, Иркутского, Ташкентского, Дальневосточного и других университетов.

С благодарностью восприняли сотрудники штаб-квартиры НАТО согласие профессора Г. Игнатенко (1997) принять участие в дискуссиях в Брюсселе и Монсе. Припоминаю, как судьи Европейского суда по правам человека (далее — Суд), узнав, что в 1998 г. в помещении Суда находится профессор Г. Игнатенко, радостно передавали друг другу новость об этом, ведь каждый хотел послушать известного ученого. Он охотно поделился с нами своим видением неотложных современных проблем международного права и, в частности, международного судопроизводства, а судьи, как студенты, конспектировали его размышления.

Ученый с гордостью показывал достижения российской науки международного права членам Украинской, Индийской и многих других ассоциаций стран мира.

Фундаментальные знания права ученого были весьма востребованными и в органах, организациях и ведомствах, ведущих практическую деятельность. Он постоянно консультировал работников Министерства иностранных дел СССР, а затем Российской Федерации, Министерства Украины, других министерств и ведомств, в который раз доказав этим, что наука не может иметь ограничений и границ. Много лет он был членом коллегии Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области России.

Много сил и энергии профессор Г. Игнатенко отдавал воспитанию молодых научных кадров. Он был членом диссертационных советов при Уральской госу-

дарственной юридической академии и Казанском государственном университете, выступал как научный руководитель или оппонент с отзывами о диссертациях в специализированных советах вузов и академических центрах России, Украины, десятков других стран ближнего и дальнего зарубежья. Он был научным руководителем и консультантом более чем 30 кандидатских и 7 докторских диссертаций, которые успешно защищены его учениками. А в целом у профессора Г. Игнатенко — несколько тысяч учеников, которые работают в различных научных и практических учреждениях десятков стран мира. Таким результатом может похвастаться не каждый талантливый ученый и педагог. В своих учениках он оставил частичку себя, а значит, будет жить вечно, поскольку его ученики передадут его решения и мысли своим ученикам.

Его идеи и предложения воплощены в ряде законодательных актов: Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации», экспертных заключениях по Конституции Российской Федерации, Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» и других федеральных законах, проекты и заключения по которым он готовил.

За многолетнюю научную и педагогическую деятельность профессор Г. Игнатенко неоднократно был отмечен государством, научными и педагогическими, общественными организациями и объединениями; награжден орденом Почета и орденом Дружбы народов, медалями «За доблестный труд», «200 лет МВД России», медалями им. А. Ф. Кони, Г. И. Тункина, премиями Ф. Ф. Мартенса, Гуго Гроция, был заслуженным деятелем науки РСФСР, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, награжден почетным знаком «За особые заслуги перед Уральской государственной юридической академией» и др. Родина отметила его медалью «Ветеран труда», а земляки — знаком «100-летие города Хабаровска».

Основные научные достижения профессора Г. Игнатенко. Для начала следует заметить, что практически невозможно раскрыть в одной статье весь научный вклад, теоретическое наследие, которое оставил науке международного права Геннадий Владимирович. Он плодотворно работал не только на поприще этого научного направления. Теория государства и права, государственное (конституционное) право, социальное управление, актуальные и теоретические проблемы политической организации обществ, международное частное право, арбитражное право и процесс, конституционное судопроизводство — далеко не полный перечень его научных увлечений и предпочтений. Если даже формально подходить к результатам научных исследований ученого, то они производят ошеломляющее впечатление: более 250 научных публикаций, из которых лишь монографий около 20, а еще учебники, которые не раз переиздавались, учебные пособия, главы и разделы в учебниках, методические разработки, рецензии и т. д.

Если исходить из такого показателя, как цитирование, то наиболее популярными за пределами Российской Федерации (да и в России) являются научные исследования, в которых профессор Г. В. Игнатенко был автором или соавтором (приводятся по хронологии выхода в свет): Система представительных органов Китайской Народной Республики. — М. : Госюриздат, 1959. — 212 с.; От колониального режима к национальной государственности (правовые вопросы образования суверенного государства в процессе национально-освободительной революции). — М. : Международные отношения, 1966. — 160 с.; Вопросы социа-

листического государства и права (соавтор). — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1967. — 308 с.; Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости (соавтор). — М. : Высшая школа, 1968. — 390 с.; Государственное право зарубежных социалистических стран (соавтор). — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1970. — 328 с.; Международная правосубъектность (соавтор). — М. : Юридическая литература, 1971. — 187 с.; Международное право и общественный прогресс. — 1972. — 150 с.; Международное право (соавтор). — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1974. — 408 с.; Государственное право зарубежных социалистических стран (соавтор). — М. : Высшая школа, 1976. — 270 с.; Разрядка и международные договоры. — М. : Международные отношения, 1978. — 88 с.; Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1980. — 74 с.; Взаимодействие внутригосударственного и международного права. — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1981. — 60 с.; Государство и право в системе социального управления (соавтор). — Свердловск : Уральский государственный университет, 1981. — 124 с.; Вопросы совершенствования социального и правового регулирования (соавтор). — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1981. — 144 с.; Вопросы государства, права и социального управления (соавтор). — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1983. — 172 с.; Исполнение международных договоров СССР: вопросы теории и практики (соавтор). — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1986. — 117 с.; Новые тенденции в международном нормотворчестве (соавтор) // Советский ежегодник международного права 1986. — М. : Наука, 1987. — С. 32–46; Международное право (учебные схемы) (соавтор). — Тюмень : Тюменский государственный университет, 1988. — 53 с.; Проблемы реализации норм международного права (соавтор) // Межвузовский сборник научных трудов. — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1989. — 243 с.; Курс международного права : в 7 т. — Т. 2. Основные принципы международного права (соавтор). — М. : Наука, 1989. — 239 с.; Правовые проблемы борьбы с организованной преступностью (соавтор). — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1992. — 72 с.; Налоговая политика. Избежание двойного налогообложения доходов и имущества : международные договоры. — Екатеринбург : УрГЮА, 1994. — Ч. 1. — 172 с.; Налоговая политика. Избежание двойного налогообложения доходов и имущества : международные договоры. — Екатеринбург : УрГЮА, 1994. — Ч. 2. — 176 с.; Налоговая политика. Избежание двойного налогообложения доходов и имущества : международные договоры. — Екатеринбург : УрГЮА, 1994. — Ч. 3. — 36 с.; Применение норм международного права в российской правовой системе // Правовая реформа в России : проблемы теории и практики. — Екатеринбург : УрГЮА, 1996. — С. 36–41; Российская правовая система и международное право : Законодательство Российской Федерации о применении общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров РФ. — Екатеринбург : УрГЮА, 1997. — 72 с.; Международное право (соавтор). — М. : Норма, 2000. — 584 с.; Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней (сост.). — Екатеринбург : Информационный центр Совета Европы в Уральском регионе, 2001. — 60 с.; Международное право. — Екатеринбург : УрГЮА, 2001. — 24 с.; Европейские конвенции : образовательные стандарты. — Екатеринбург : УрГЮА, 2002. —

72 с.; Европейский суд по правам человека : индивидуальные жалобы (сост.). — Екатеринбург : УрГЮА, 2002. — 63 с.; Европейские конвенции : борьба с преступностью и правовая помощь по уголовным делам (сост.). — Екатеринбург : УрГЮА, 2002. — 127 с.; Международное право (соавтор). — М. : Норма, 2002. — 592 с.; Правовой статус личности : соотношение конституционных и конвенционных регуляторов // Конституционное правосудие и международно-правовые стандарты прав человека в России. — Нальчик : Полиграфсервис и Т., 2002. — С. 43–48; Международное право (соавтор). — М. : Наука, 2003. — 612 с.; Современные аспекты судебного правопонимания международных актов // Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе Российской Федерации. — Екатеринбург : УрГЮА, 2003. — С. 23–24; Международное право в конституционном правосудии : традиционные и дискуссионные аспекты // Конституционная юстиция в Российской Федерации. — Екатеринбург : УрГЮА, 2003. — С. 118–132; Международно-правовые размышления о некоторых конституционных постулатах // Конституции России 10 лет : опыт реализации. — Тюмень : Тюменский университет, 2003. — С. 149–154; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в международно-правовом измерении : достижения и упущения (соавтор) // Журнал российского права — 2003. — № 7. — С. 20–28; Международно-правовые проблемы взаимодействия материальных и процессуальных норм // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России : теория и практика — Екатеринбург : УрГЮА, 2004. — Ч. 1. — 19–30; Российское нормотворчество в механизме имплементации международного гуманитарного права // Российский юридический журнал. — 2004. — № 3. — С. 68–74; Международное право (соавтор). — М. : Норма, 2005. — 611 с.; Запрет повторного привлечения к ответственности как общий принцип права. Генезис правила «не дважды за одно и то же» в системе общих принципов права // Российский юридический журнал. — 2005. — № 1. — С. 75–87; Международное право (соавтор). — М. : Норма, 2006. — 705 с.; Международное право : сборник документов (сост.). — Екатеринбург : УрГЮА, 2006. — Вып. 1. — 437 с.; Творчество в науке и руководстве (соавтор) // Российский юридический журнал. — 2006. — № 1. — С. 19–26; Международное право и конституционная юрисдикция (соавтор) // Журнал российского права. — 2006. — № 9. — С. 167–170; О зарождении и эволюции коллизионного регулятора взаимодействия внутригосударственных и международно-правовых норм (соавтор) // Российский юридический журнал. — 2007. — № 2. — С. 57–61; Международно-правовая ориентация как практически значимый компонент подготовки кадров для Следственного комитета при прокуратуре РФ (соавтор) // Подготовка кадров для органов прокуратуры в условиях образования следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. — Екатеринбург : УрГЮА, 2005. — С. 31–33; Судебное применение международно-правовых норм : очерк деятельности Верховного Суда РФ // Журнал российского права. — 2008. — № 1. — С. 96–105; Международное право (соавтор). — М. : Норма, 2010 и др.

Особенно востребованными в научной среде были исследования профессора Г. Игнатенко по проблемам международно-правовых аспектов национально-освободительного движения, правовой природы актов международных организаций, методов исследования и преподавания международного права, вопросов правопреимства в международном праве, международной правосубъектности

наций и народов, борющихся за свою независимость, становления национальной независимости деколонизированных стран в условиях утверждения новых принципов и норм международного права и др.

Многие из таких трудов ученого стали библиографической редкостью и было бы неплохо, если бы научная общественность организовала и обеспечила их надлежащее переиздание.

Кроме указанных публикаций ученого, особую научную ценность имеют, например, такие его исследования : Государственно-правовые аспекты национально-освободительного движения // Советское государство и право. — 1963. — № 11. — С. 24–34; О правовых формах волеизъявления народов колоний в процессе создания независимых национальных государств // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. — Вып. 2. — 1964. — С. 331–348; О методологии правового исследования процесса становления независимого национального государства // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим вопросам правовой науки. — Кишинев, 1965. — С. 70–72; Национализация иностранной собственности в новых независимых государствах (общетеоретические и правовые вопросы) // Итоги и перспективы социально-экономического развития молодых суверенных государств. — Л., 1965. — С. 44–47; Закономерности образования суверенного государства в процессе национально-освободительной революции (правовой аспект) // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1965 г. — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1966. — С. 275–277; Международная правосубъектность нации // Советское государство и право. — 1966. — № 10. — С. 75–82; Некоторые вопросы международной правосубъектности нации // Сборник ученых трудов СЮИ. — 1966. — Вып. 6. — С. 165–179; Проблемы правопреемства в связи с образованием новых независимых государств // Материалы теоретической конференции (по итогам научно-исследовательской работы за 1964 г.). — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1966. — С. 19–42; ООН и развитие антиколониальных норм современного международного права // Правоведение. — 1967. — № 4. — С. 56–65; Политические формы колониального строя // Сборник ученых трудов СЮИ. — 1967. — Вып. 7. — С. 120–142; Рецензия на кн.: Антонович Л. Ликвидация колониализма с точки зрения международного права. — Варшава, 1964 (на польск. яз.) // Советский ежегодник международного права. 1966–1967. — М. : Наука, 1968. — С. 301–303; К вопросу о понятии и классификации субъектов международного права // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1968 г. — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1969. — С. 217–221; Национально-освободительная революция и международное право // Международное право в борьбе с колониализмом и неоколониализмом : материалы республиканской научной конференции. — К., 1969. — С. 10–14; Мировой революционный процесс и современное международное право (методология исследования) // Ленинская теория социалистического государства и права и современность. — Казань, 1970. — С. 58–63; Развивающиеся страны и международное право (соавтор). — М. : Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1971. — 152 с.; Заключительный акт общеевропейского совещания в Хельсинки // Правоведение. — 1976. — № 3. — С. 93–103; Советская внешняя политика и международное право (теоретический аспект) (соавтор) // Правоведение. —

1977. — № 5. — С. 125–134; Универсальность и эффективность международного права как взаимодействующие категории // Вопросы универсальности и эффективности международного права. — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1981. — С. 3–16; Международное право в системе юридического образования (в аспекте проблемы взаимодействия международного и внутригосударственного права) (соавтор) // Международное и внутригосударственное право : проблемы сравнительного правоведения. — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1984. — С. 3–12; Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. — 1985. — № 1. — С. 73–81; Международно-правовой статус субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. — 1989. — № 11; Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» (соавтор) // Российский юридический журнал. — 1995. — № 4 (8). — С. 23–26; Теория государства и права (соавтор). — М. : Норма, 2006. — С. 521–535; Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Правоведение. — 2001. — № 1; Международный уголовный суд как субъект международного права // Российский ежегодник международного права. 2003. Специальный выпуск. — СПб. : Россия — Нева, 2003; Новые кодексы Российской Федерации : опыт комплексной международно-правовой экспертизы // Российский ежегодник международного права. 2003. Специальный выпуск. — СПб. : Россия — Нева, 2003. — С. 47–61; Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. и международно-правовые реалии (соавтор) // Бюллетень Министерства юстиции РФ. — 2004. — № 4. и др.

Последняя монография Геннадия Владимировича: Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия. — М. : Норма, 2012. — 416 с. В ней ученый подвел итоги своих исследований только по одному направлению науки — международному праву. Поделится своими мечтами осуществить это и по другим направлениям своей научной деятельности, которая длилась более 60 лет. Но не судьба. Надеемся, что это сделают уже его ученики, коллеги.

Исследования профессора Г. Игнатенко как неопровержимые основы современного правоведения. Роль ученого в науке бывает разной. Одни известны как организаторы науки, другие продуцируют основополагающие идеи, третьи выступают в роли реформаторов, четвертые — в роли пропагандистов научных достижений и т. д. Каждая из этих характеристик была присуща Геннадию Владимировичу, и в каждой из них он чувствовал себя естественно. Поэтому о таких исследователях писать трудно, ведь важно не только понимать каждую из черт их многогранного таланта, но и суметь передать объективно и полнокровно их выдающиеся достижения. Именно поэтому в этой статье и не ставится задача охватить весь спектр его вклада в современную юриспруденцию, а выделяются лишь основные, на первый взгляд, достижения, без учета которых развитие современного правоведения трудно было себе представить.

1. Вклад в развитие современной теории государства и права. Еще в период советской теории государства и права сложилась такая ситуация, когда достижениями науки международного права и, в частности, теории должны

были заниматься только специалисты в этой области¹. Исследователи теории государства и права не знали, что делать с международным правом. Те же, кто не находил возможным его игнорировать, довольно часто высказывали мысли, далекие от знания природы международного права. Так, например, С. Голунский и М. Строгович придерживались по этому поводу точки зрения, доступной для восприятия кем бы то ни было. С одной стороны, они считали, что «международное право занимает особое место, оно лишь условно может быть включено в систему права отдельного государства» [2, 301]. Затем сразу же утверждали, что, «поскольку в международно-правовых договорах СССР выражены те политические принципы, которыми руководствуется СССР и которые лежат в основе СССР, международное право должно быть включено в систему советского права как его отрасль» [2, 301]. Здесь смешиваются внешнеполитические принципы государства и юридические принципы международного права, система и отрасль права и др. И вместе с тем авторы убеждены, что сами эти договоры не являются международно-правовыми для капиталистических стран, а являются источником их «права сильного», «кулачного права», где царит принцип «я действую и всецело убежден, что после я всегда найду профессора международного права, который оправдает эти действия» [2, 301]. К сожалению, незнание природы международного права прослеживается и во многих современных исследованиях теории государства и права. Именно поэтому большинство теоретиков права или обходят его молчанием, или высказываются о нем крайне афористично, например: «В системе права Российской Федерации обособленное положение занимает международное право. Оно не входит в систему какого-либо внутригосударственного права, поскольку устанавливается не отдельным государством, а соглашениями разных государств и регулирует взаимоотношения этих государств и иных субъектов международного права» [3, 248]; или «Следует отметить, что положения о признании норм международного права частью внутригосударственного содержатся и в конституциях других стран» [4, 423] (до этого речь шла о Конституции Российской Федерации) и т. д. Российские ученые здесь не исключение, возможен украинский вариант: «Наряду с национальным правом конкретного государства, которое регулирует внутренние государственные отношения, существует и международное право, которое не относится к системе национального права ни одного государства» [5, 106], и, скажем, такой: «Обращая внимание на своеобразие международного права как особой правовой системы, нет оснований противопоставлять ее национальной правовой системе... Именно международное право в соответствующих пределах можно отнести с определенными оговорками к единой системе права государства» [6, 179]; а возможно утверждение и без каких-либо обоснований: «Международное право — составляющая национальной системы права каждого современного государства» [7, 142] и т. д.

В этом заключается полярность мнений, которые высказываются на уровне характеристики системы права. Если еще коснуться компонентов или элементов, которые ее образуют, или же категориального или понятийного аппарата, разногласий хватит не на одно исследование. Субъект, объект, источник, принцип или норма права, правовые отношения и правосознание — вот далеко не

¹ Правда, специалисты в области теории государства и права считают иначе: «Большинство ученых, — отмечают М. Абдулаев и С. Комаров, — прежде всего международников, буквально строили “берлинскую стену” между внутригосударственным и международным правом» [1, 546].

полный перечень тех правовых «колдобин», которые специалист теории государства и права стремится обойти, когда речь идет о международном праве, и наоборот. Исключение делается лишь там, где очевидно, что теория права будет слишком обеднена и однобока без учета международного права: прав человека, соотношения международного и внутригосударственного права — вот практически и все.

Не потому ли кое-кто пытается и сегодня вспомнить порядком занафталиненные рассуждения наподобие: «Когда речь идет об исторических (во времени) разногласиях в этом вопросе и о разнообразии существующих в мире донныне точек зрения, следует прежде всего напомнить о том общеизвестном факте, что международное право как таковое, а следовательно, и его система, довольно длительное время не признавалось вообще» [8, 185]. Автор (профессор М. Марченко), подчеркнув свое мнение, тем самым, к сожалению, показал, что с международным правом он мало знаком. Международное право не признавали лишь одиночные авторы, которые в правовой науке никакими достижениями себя не зарекомендовали и, как правило, были сторонниками тоталитарной, фашистской идеологии. Все эти авторы науке международного права известны, и никто им серьезного значения не придавал не потому, что пальцев на двух руках хватит, чтобы их пересчитать, а в силу мелочности их взглядов. Те же, кто говорил о международном праве как о внешнегосударственном или морально-этическом регуляторе и т. д., не отрицали его, но по-своему понимали правовую природу. Их, к слову, также было немного.

Правда, приведенная выше мысль (очевидно, ее разделяют и другие авторы этого академического издания) выражена была скорее для того, чтобы показать, что его авторы впервые подготовили учебник с учетом реалий международного права. И действительно, его изложение «насыщено» ссылками к этой правовой системе, в частности, в раскрытии: естественно-правовой теории, основных признаков государства (профессор М. Марченко), сути, состава, режима территории, территориального суверенитета и территориальной юрисдикции (доктор юридических наук С. Бабурин), суверенитета (профессор Б. Крылов), преимуществ международного права перед внутригосударственным (профессор М. Марченко), сущности прав и свобод человека (профессор А. Мордовец), понятия и сущности права (профессора М. Марченко и О. Лейст) и др. К сожалению, общая теория государства и права (в смысле «отфильтрованных» и аккумулярованных выводов на более обобщенном уровне, нежели исповедуется в теории государства и права и теории международного права) не получилась. Там, где речь идет о международном праве, оно или органически не вливается в общий контекст изложения, или же, как игрушки на елке, примеры из международного права приводятся в подтверждение выводов по теории государства и права. В лучшем случае авторы повторяют определенные международно-правовые тексты исследований и тогда возникает вопрос: к чему здесь общая теория государства и права, когда подобное изложение в международном праве трудно отнести к его теории.

Этого не произошло бы, если бы авторы внимательно ознакомились с методикой исследования теории государства и права профессора Г. Игнатенко, основываясь на достижениях теории международного права. Он был первым на территории бывшего Советского Союза (и, пожалуй, в правоведении вообще), кто исследовал природу теории государства и права с учетом теории междуна-

родного права. Профессор С. Марочкин называет исключительным «едва ли не единственный пример, когда теоретики привлекли к подготовке учебника по теории государства и права юриста-международника... автор главы о международном праве как особой правосистеме Г. Игнатенко» [9, 70]. Однако такой подход (исходя из достижений теории международного права) профессор Г. Игнатенко применял уже в 60-е гг. прошлого века, когда исследовал особенности становления государственности в колониально зависимых странах, вопросы юридической природы антиколониального законодательства и права, правосубъектности нации, политических форм колониального строя, особенностей правопреемства деколонизированных государств и др. В упомянутой работе он только подвел итоги своих научных исследований теории государства и права с учетом достижений теории международного права.

Назовем лишь некоторые предостережения, которые он сформулировал для желающих исследовать теорию государства и права:

1) «познание государства и права может быть полным и адекватным действительности лишь в том случае, если будут учтены межгосударственные связи, т. е. отношения между государствами как самостоятельными сообществами, и те правовые формы, которые придают этим связям, отношениям упорядоченность и относительную стабильность»;

2) «при рассмотрении (изучении) традиционных проблем теории государства и права, ее категорий, понятий, институтов нельзя абстрагироваться от однопорядковых категорий, понятий, институтов теории международного права»;

3) «в принципе теория международного права вторична, производна, потому что она сформировалась и развивается на почве общетеоретических взглядов и подходов к правовым явлениям. Само понятие «международное право», его категории — нормы и источники, субъекты, терминология и т. д. вобрали в себя наиболее существенные признаки права вообще и теории права. Вместе с тем международное право в его собственных сущностных признаках и соотношении с внутригосударственным правом не может не влиять на право и на теории права» [10, 9].

Руководствуясь такой методикой, он довольно убедительно показывает: общее и отличное в международном и внутригосударственном праве, специфику их предмета и метода регулирования; суть одностороннего и совместного волеизъявления, как и природу согласования позиций в процессе определения содержания правил международного общения и при признании их обязательности.

Основными недостатками современных учебников по теории государства и права является то, что в них авторы не могут выявить предмет международного права, который должен входить в качестве составляющей в теорию государства и права. Как правило, останавливаются на теме «международное право и национальные правовые системы»; как вариант — «современное международное право и внутригосударственное законодательство» или «соотношение международного и национального права», или просто «внутригосударственное и международное право», а дальше у каждого свои предпочтения: принципы *pacta sunt servanda*, или статья из Конституции государства, или закон о международных договорах и даже достаточно подробный перечень международных правонарушений, международных преступлений, недружественных актов, спорных ситуаций [11, 459–465], не менее подробно описывается отдельная международно-правовая теория (нередко уже давно утратившая своих апологетов) по

определенному вопросу. В таких случаях создается впечатление, что авторы избрали такую тему не потому, что она является составляющей теории государства и права, а потому, что международно-правовая работа по этой теме была у них под рукой.

Профессор Г. Игнатенко довольно убедительно доказал, что такими темами исследования теорией государства и права международно-правовых составляющих должны быть: формы существования норм, т. е. источники международного права (международный договор, международный обычай и их юридическая сила, некоторые решения межправительственных организаций и конференций), сложная нормативная структура международного права (общепризнанные, универсальные, локальные, партикулярные нормы; нормы-принципы, нормы *jus cogens* и степень эффективности их влияния на характерные черты международного права), особенности функционирования международно-правовых сфер отдельных государств, международное право как отдельная правовая система, международно-правовой механизм реализации (конвенционный и институциональный) с институтами санкций и международно-правовой ответственности, которые его сопровождают, международные правоотношения, субъекты международного права и др. Это внутренне присущие международному праву характеристики, которые, как правило, не охватываются теорией государства и права, а потому должны исследоваться в общей теории государства и права (спор, который ведется между теоретиками права относительно того, что следует указывать первым — государство или право, здесь не представляется принципиально важным).

2. Некоторые результаты исследования проблем международной правосубъектности. Указывая на особенности научных исследований профессора Г. Игнатенко, «Советский ежегодник международного права» за 1968 г. прежде всего, выделил в них комплексный подход к изучаемому предмету. Соответствующие проблемы анализируются одновременно с точки зрения нескольких юридических дисциплин: международного права, государственного права, общей теории государства и права. В ряде случаев именно такой подход дает автору возможность сделать интересные выводы и обобщения» [12, 398]. К этому следует добавить, что профессор Г. Игнатенко в своих исследованиях (независимо от того, достижения какой правовой дисциплины он учитывал) всегда различал, что является определяющим, а что определяемым. В праве под первым он понимал соответствующие отношения, и результаты его исследований не всегда совпадали с результатами тех, кто работал на удовлетворение скоротечных потребностей. Так, относительно исследований предмета международно-правового регулирования он отмечал: «Понятие субъекта международного права должно, очевидно, базироваться на общетеоретическом определении субъекта права как участника отношений, регулируемых правовыми нормами, как носителя установленных этими нормами прав и обязанностей».

Однако в течение долгого времени (ощутимо это и сегодня) традиционное представление о международном праве как регуляторе исключительно международных, прежде всего межгосударственных, отношений порождало «привязку» субъектов только к этим отношениям. Иначе говоря, только участники межгосударственных и иных международных отношений могли претендовать на признание их статуса субъектов» [10, 525].

Ученый показал, что такой подход ведет не только к ограничению предмета международно-правового регулирования исключительно межгосударственными отношениями (которые делятся на три категории: отношения между государствами, отношения между государствами и межправительственными организациями и отношения между межправительственными организациями), но и к тому, что «способность участвовать в отношениях, регулируемых международно-правовыми нормами, не признавалась главной чертой субъекта» [10, 525].

Он показал, что, исходя из сугубо субъективных соображений (а на этом основывалось большинство постулатов советской науки международного права), лишь независимые друг от друга участники отношений и те, которые способны творить международное право, могут обладать международной правосубъектностью. Практическая цель этого тезиса была довольно прозаичной: ни одна норма международного права не может приниматься без СССР, никто, даже подавляющее большинство участников, не могут заставить его действовать по их правилам.

Но практика международных отношений значительно разнообразнее, чем пропагандирует доктрина. Наряду с межгосударственными отношениями существуют международные отношения негосударственного характера (между юридическими и физическими лицами разных государств, между международными хозяйственными объединениями и международными неправительственными организациями, между физическими и юридическими лицами с иностранными государствами, между правительственными и международными неправительственными организациями, отношения отдельных членов федераций международного характера, которые складываются в связи с защитой прав и свобод человека в международных судебных структурах и др.). Исследовав такие международные отношения, профессор Г. Игнатенко сделал вывод: «Приведенный перечень отношений международного характера с различными по статусу участниками дает возможность высказать суждение о значительном расширении круга и категорий субъектов международного права. Соответственно бытующее и сегодня мнение о том, что поскольку физические и юридические лица, а также некоторые другие образования находятся под властью и юрисдикцией государств, они не способны обладать самостоятельным международно-правовым статусом и, следовательно, не могут быть признаны субъектами международного права, отвергается» [10, 527].

Исходя из достижений теории международного права и учитывая критерии, установленные в теории государства и права, он относит к категории субъектов международного права всех перечисленных выше участников отношений международного характера. В частности, руководствуясь критериями общей теории права о наличии субъектов правотворческих и правоприменительных, или субъектов только правоприменительных, ученый делает такой вывод: «К первой группе относятся суверенные государства, межгосударственные организации, в определенной мере — субъекты федеративного государства; ко второй — неправительственные организации, юридические лица, индивиды — строго в установленных рамках» [10, 527].

Таким образом, к субъектам международного права профессор Г. Игнатенко относит: суверенные государства и родственные им по некоторым признакам государствовподобные образования, межправительственные и неправительственные организации во время выполнения официальных функций, субъекты

федеративных государств при осуществлении международного сотрудничества согласно конституции, международные хозяйственные объединения, юридические лица в процессе реализации международных связей, физические лица в отношениях с межгосударственными органами и учреждениями по защите прав человека (комитетами, судами, трибуналами и т. д.). Суверенные государства он выделяет как первичные субъекты международного права, остальные субъекты относит к категории вторичных (производных).

Нельзя сказать, что в вопросах международной правосубъектности, особенно в отношении отдельных субъектов, профессор Г. Игнатенко был первым, кто задекларировал ту или иную позицию. Скажем, о международной правосубъектности нации, которая борется за независимость, в теории и практике международного права в одно время с ним говорили и другие ученые (Л. Сперанская, М. Крутоголов и др.). Но в то время как последние только задекларировали такую возможность, у Г. Игнатенко она нашла глубоко аргументированное научное решение.

То же самое можно сказать и о международной правосубъектности физических лиц, которая в западной науке международного права отставалась отдельными учеными еще в послевоенное время. В советской науке международного права об этом робко заговорили лишь в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века [13, 112–118; 14, 76–78]. Решительный «отпор» новаторы получили от своих же коллег, которые обвиняли их в увлечении буржуазными взглядами, псевдонаучности, декларативности, поверхностности и т. д. И лишь тот факт, что международную правосубъектность физического лица начал защищать, и аргументировано отстаивать профессор Г. Игнатенко, немного приуменьшил пыл гнева его оппонентов. Или потому, что знали: он не прощает неучтивости, или действительно усомнились в предыдущих догмах.

В исследовании института международной правосубъектности профессор Г. Игнатенко получил, как минимум, три основополагающих результата: во-первых, он убедительно доказал, что в раскрытии сущности международного права нельзя игнорировать достижения общей теории государства и права, не рискуя прибегнуть к поверхностности аргументации. «На наш взгляд, — писал он, — есть все основания для того, чтобы распространить на международное право понимание субъекта права, принятое в общей теории права, т. е. идентифицировать понятие “субъект международного права” с юридической возможностью участия в правоотношениях, регулируемых международно-правовыми нормами, и обладания необходимыми для этого правами и обязанностями. Иначе говоря, освободить понимание субъекта международного права от чрезмерных условий, выраженных в требовании особого, полностью самостоятельного международно-правового статуса и способности к равноправному участию в создании норм и к независимому, свободному от чьей-либо юрисдикции их осуществлению.

Если же мы в соответствии с современной трактовкой предмета международно-правового регулирования примем характеристику субъекта международного права как действующего или возможного участника отношений, регулируемых международно-правовыми нормами, как носителя установленных этими нормами прав и обязанностей, то признаем и связанную с этим подходом реальность вхождения в сферу такого рода отношений новых участников — юридических и физических лиц (индивидов), международных хозяйственных объединений и

неправительственных организаций, а также — в пределах, допускаемых внутригосударственным конституционным и иным законодательством, — составных частей отдельных, прежде всего федеративных, государств» [15, 51–52].

Ученого услышали и вскоре в пользу его позиции стали звучать дополнительные аргументы, к примеру: «Постановка в ряд субъектов права только тех образований, которые непосредственно создают правовые нормы, приводит к такому положению, что доктрина неизбежно приобретает нормативистский оттенок, характерный для теорий, оторванных от реальной жизни саморегулирующейся правовой системы» [16, 71]. Нельзя сказать, что сегодня все в странах постсоветского пространства приняли точку зрения Г. Игнатенко, но то, что прогресс очевиден, не подвергается сомнению.

Во-вторых, Г. Игнатенко настолько подробно, аргументировано и всесторонне исследовал вопросы международной правосубъектности народов (наций), что, собственно, его положения стали уже классическими в современной науке международного права. К основным началам его доктрины международной правосубъектности народов (наций) можно отнести: категории «народ» и «нация», которые в международном праве применяются как идентичные; правосубъектность народа (нации), которая раскрывается через его суверенитет: на самостоятельность в достижении государственности; на независимое государственное существование; на свободный выбор своих путей развития; право на правосубъектность народа (нации) предусматривает определенные права и обязанности, что порождает соответствующие международные правоотношения; правосубъектность народа (нации) — категория, которая исторически развивается в зависимости от ситуации, народа, состояния его развития, выделяя в качестве главного различные императивы: если на период борьбы против колониализма основным ее императивом было право на самостоятельную независимую государственность, то в современный период основным императивом для таких народов стало определение своего внутреннего и внешнего политического статуса без вмешательства извне; право осуществлять по своему усмотрению политическое, экономическое, социально-правовое и культурное развитие, право на правосубъектность народа (нации) не может реализовываться за счет нарушения законных прав других народов (наций), право на правосубъектность народа (нации) не может сводиться к требованию обязательного территориального отделения и др.

В зависимости от этапа утверждения и развития международной правосубъектности народа (нации) возможно превалирование тех или иных прав в соответствующих международных правоотношениях. К тем, которые не могут игнорироваться, Г. Игнатенко относил:

- 1) право на волеизъявление и, в случае необходимости, с применением принуждения;
- 2) право на международную защиту и получение помощи от других субъектов международного права;
- 3) право на официальные сношения с субъектами международного права;
- 4) право на участие в деятельности межгосударственных организаций и межправительственных конференций;
- 5) право на участие в создании норм международного права и на самостоятельную реализацию действующих международно-правовых норм [17, 65].

В-третьих, действительно новаторским, особенно если учитывать страны восточной Европы, было отношение Г. Игнатенко к международной правосубъектности физического лица. Чтобы оценить, насколько он был предан науке, как верил в те достижения, достаточно проследить генезис его взглядов и убеждений по вопросу международной правосубъектности физического лица. Известно, что еще в начале 80-х гг. прошлого века Геннадий Владимирович скептически относился к признанию международной правосубъектности физического лица, но это был тот период, когда он еще не приступил к всестороннему изучению этого вопроса. В советской науке международного права на утверждение о том, что лицо может быть субъектом международного права, было наложено официальное табу (еще не хватало, чтобы лица заявляли о своих правах перед международным сообществом). В науке международного права утверждалось (кем-то — по убеждению, а кем-то — в угоду власти), что лицо не является и ни при каких обстоятельствах не может быть субъектом международного права. Разница заключалась лишь в том, чей запрет будет выражен более категорично. Такое единодушие практически не имело исключения в течение всего периода существования СССР. Е. Пашуканис писал: «Всякая международно-правовая норма — обычная или договорная, наделяет правами и обязанностями только государства, а не отдельных граждан» [18]; Г. Тункин утверждал: «Советская наука международного права единодушна в признании того, что индивиды не являются субъектами международного права. Любой индивид находится под властью государства, на территории которого он находится, подчиняется правопорядку этого государства» [19, 19]; С. Черниченко: «Индивиды ни при каких условиях не являются и не могут быть субъектами международного права» [20, 149] и т. д.

Даже в случае специального исследования вопросов международной правосубъектности индивида, перечислив десятки мыслей и ситуаций правомерности признания такой правосубъектности, авторы делали декларативный вывод, что это невозможно, поскольку этого никогда не может быть, как, например, в этом исследовании: «Современное международное право не дает никаких оснований для утверждений, приведенных выше (речь идет о признании международной правосубъектности Г. Шварценбергером, А. Фердроссом, Г. Норгаардом, П. Дростои, Г. Мантоне, Г. Лаутерпахтом и др. — В. Б.), буржуазными учеными о том, что оно якобы отходит от своей классической основы как права международного, и не дает также никаких оснований для “прогнозов” такого развития международного права, которое будет направлено на расширение в нем роли индивида» [21, 86]. Впрочем, этот же автор впоследствии изменит свою позицию на противоположную [13, 112–118]. Но это скорее исключение для советской науки международного права, чем правило. Куда более приемлемым было считать: «Если международное право оказывает регулятивное воздействие на физических и юридических лиц, это значит, что такие лица становятся его субъектами или, выражаясь языком, более подходящим философии международного права, его адресатами... Но это же явная нелепость» [22, 651].

Именно из-за таких обвинений в бессмыслице профессору Г. Игнатенко приходилось доказывать международную правосубъектность физического лица. Во многом ему способствовало исследование природы современных международных отношений. В целом в доктрине международной правосубъектности физи-

ческого лица профессора Г. Игнатенко можно выделить следующие основные принципы:

- 1) методологические;
- 2) вытекающие из сущности современных международных отношений и современного международного права;
- 3) формулирующие сущность и составляющие правосубъектности.

Среди методологических основ хотелось бы выделить его пожелание более уважительно относиться к результатам исследования концепций зарубежных авторов, особенно к тем, которые писали о возможности предоставления межгосударственными договорами индивидам определенных прав, а также международных средств их защиты, и необходимости обращать внимание на то, что традиционное представление о неприменимости черт международной правосубъектности к индивидам не согласуется с современным положением международного правового и внутригосударственного регулирования, с реальными правоотношениями [15, 93].

Подчеркивая изменения в современных международных отношениях и международном праве, профессор Г. Игнатенко, в частности, выделял следующее: в нынешнем международном праве растет количество международных договоров, ориентированных на индивидов; они непосредственно включают нормы, устанавливающие права и обязанности человека и вместе с тем предоставляющие ему юридические возможности обеспечения и защиты таких прав (право на правовую защиту). Среди таких наиболее авторитетных международных договоров следует выделить: Женевские конвенции о защите жертв войны и Дополнительные протоколы к ним, Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) и др. Но этим перечень не ограничивается, поскольку такие договоры заключены в сфере гражданских, семейных, судебных и трудовых правоотношений, в области оказания правовой помощи, образования, налогообложения, социального обеспечения, в правоотношениях, гарантирующих защиту жертв войны в период вооруженных конфликтов и др. [15, 94–95].

Изменения, которые произошли и будут происходить в современном международном праве, по мнению профессора Г. Игнатенко, коснулись и расширения правосубъектности индивида (не следует забывать, что он справедливо не выводит ее за пределы вторичной, производной), в частности юридической способности, иметь права и обязанности и самостоятельно их осуществлять с помощью как национальных, так и международных судебных и других механизмов, «предоставления индивиду не только определенных прав и привилегий, но и средств для обеспечения их принудительного осуществления и соблюдения, возможностей защиты этих прав от своего собственного имени, без посредничества государства», повышения эффективности защиты прав человека в международных судах, как и несения индивидуальной уголовной ответственности перед международными трибуналами, «права лица на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод... на правоотношения с такими компетентными органами, обладающими международной правосубъективностью... права индивида выступать от собственного имени (*proprio nomine*) и

осуществлять не обусловленные юрисдикцией государства материальные и процессуальные полномочия в рамках реализации эффективных средств правовой защиты» [15, 94–95] и др.

Профессор Г. Игнатенко обращает также внимание на «особый компонент уголовной ответственности определенных лиц согласно межгосударственным конвенциям за преступления против мира и безопасности человечества, за транснациональные преступления. В таких правоотношениях с органами международного уголовного правосудия индивид как субъект ответственности реализует и определенные процессуальные права, которые сохраняются за ним согласно международным нормам» [15, 93].

Правда, аргументы ученого убеждают прислушаться к нему, а не с упорством, достойным иного применения, одобрять давно устаревшие догмы. О такой позиции можно сказать: «Пусть мировой правопорядок перевернется вверх дном, но ее автор не откажется ни от одного своего слова, которое он напечатал на заре вхождения в науку международного права».

Доктрина профессора Г. Игнатенко о международной правосубъектности индивида строится, в том числе и с учетом современной международной судебной практики.

В 1968 г. профессор С. Черниченко выступил со своим исследованием темы «Допуск индивидов в международные суды и международная правосубъектность» [12, 270–280], в котором он сделал вывод: «Индивидов, получающих доступ в международные судебные органы, можно было бы считать субъектами международного права, если бы они в этих случаях наделялись процессуальными правами и обязанностями в результате прямого применения к ним норм международного права... Непосредственно индивидам эти права и обязанности предоставляются внутренним правом государства-участника соответствующего договора. У суда правоотношения устанавливаются не прямо с данными лицами, а с государством, взявшим на себя международное обязательство обеспечить им доступ в указанный суд путем наделения их необходимыми правами и обязанностями. Сторонами в процессе, который ведет международный судебный орган, в действительности являются государства» [12, 277–278].

Искусственный, жестко позитивистский дух подобной конструкции был очевидным и в то время. По логике автора, когда граждане России обращались в Европейский суд по правам человека с заявлениями против Украины, прибалтийских и других государств, то это вовсе не они, а Россия судилась с другими государствами. Но Россия, в лучшем случае, могла участвовать в таких делах как третья сторона. Кто здесь ошибается: автор заключения или Конвенция, которая предоставляет соответствующему лицу (а не государству) право судиться с нарушителем его прав, в том числе и со своей страной, если она является таким нарушителем?

Прошло более 40 лет, Россия стала стороной Конвенции о защите прав человека и основных свобод, уже не одну сотню раз судилась в этом Суде по поводу нарушения прав своих граждан, возмещала им материальный ущерб, выполняла другие решения Суда по заявлениям своих граждан и иностранцев, т. е. ситуация развивалась совсем не так, как предполагал автор в 1968 г. Изменения коснулись практически всего, но не упорства автора: «В случае предоставления индивидам, неправительственным организациям или объединениям внутригосударственного характера, — пишет он, — прямого доступа в международные

механизмы на основе международных договоров они не становятся адресатами международного права и участниками отношений, урегулированных международным правом. Их прямой доступ носит организационный, а не юридический характер (почему же тогда Конвенция предусматривает юридическую ответственность государства за препятствование такому доступу? — В. Б.). Их отношения с международным механизмом складываются через государства (т. е. — это не я жалуюсь на свое государство в международный суд, а оно само на себя «стучит» о нарушении моих прав? — В. Б.), участвующие в соответствующем договоре... Конвенция предусматривает не право индивидов на обращение в Суд, а обязывает государства, участвующие в Конвенции, обеспечить им такое право» [22, 652].

Обеспечить можно то право, которое предусмотрено. Следовательно, оно все-таки предусмотрено за индивидами. И все же, при любом прочтении ст. 34 Конвенции, в ней говорится о лице (а значит его праве), которое подает заявление на нарушение его прав и свобод государством, и об обязательствах государства «никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права». Какими бы виртуозными не были попытки применить позитивистскую схоластику, становится очевидным, что в судопроизводстве Европейского суда по правам человека применяются не положения об ограниченной правосубъектности лица, а принципы равенства сторон в процессе — государства и лица, права которого оно нарушило. Впрочем, возможно, причина и не в этом, а в том, что «партия и правительство» еще не дали соответствующего указания, а тогда ученые начнут сразу утверждать обратное и делать новые открытия.

Наша проблема в том, что мы видим международное право, каким оно было в XIX и первой половине XX в. — билатеральным, и готовы, хоть немного, поговорить о его региональности, хотя бы ради критики, и поиграть в декларации, когда говорится об универсальном, глобальном международном праве, но чтобы дальше ООН не «заплывать». Да и здесь мы хорошо научились загонять универсальность в процессуальные рамки билатерализма.

Хорошо, что в этом нам помог Международный суд ООН. Помнится, как в 1966 г. он бросил спасательный круг всем позитивистам (и не только) по делу «О Юго-Западной Африке (Эфиопии и Либерии) против ЮАР» [23, 319; 24, 6].

Тогда истцы, по мнению Суда, слишком далеко зашли в своих притязаниях; ничего не ища для себя, они начали защищать интересы мирового сообщества, их правовой интерес лишь для того, чтобы убедиться путем судебного процесса, «не была ли нарушена определенная мандатом священная миссия цивилизации». Международный суд ООН опустил тогда истцов на грешную процессуальную землю, отклонив иск Эфиопии и Либерии на том основании, что «истцы не могут считаться доказавшими наличие какого-либо права или правового интереса, принадлежавших им по существу их исков».

Вспоминается, как тогда вся «передовая юридическая общественность СССР возмущалась этим решением», но мы собственно в рамках ООН занимали такую же позицию: докажи на уровне двусторонних отношений со мной, что ты имеешь право или интерес ко мне, и не рассуждай об интересах международного сообщества. Международный суд ООН уже в деле, которое он параллельно рассмотрел (дело о барселонской компании (Бельгия против Испании) [25, 319; 26, 3]), начал понемногу отходить от своей непреклонной позиции, мы продолжали стоять на том же. В этом деле Суд, в частности, отметил: «Нужно видеть существенную

разницу между обязательствами государства в отношении международного сообщества в целом и обязательствами, которые возникают в отношении другого государства в рамках дипломатической защиты. По своей природе первые касаются всех государств, ввиду важности прав, вытекающих из них, все государства могут считаться имеющими периодический интерес в их защите; обязательства, о которых идет речь, представляют собой обязательства *erga omnes*. В современном международном праве эти обязательства берут начало, например, из запрета актов агрессии, геноцида, а также из принципов и норм, касающихся основных прав человеческой личности, включая защиту от рабства, расовой дискриминации. Некоторые из соответствующих прав защиты вошли уже в общее международное право... другие являются международными актами универсального и квазиуниверсального характера» [25; 26].

Вот тут и начинаются наши интеллектуальные страдания — как сделать так, чтобы наше билатеральное мышление (которое довольно часто приобретает примитивный подтекст: что мое государство от этого получит, при этом народ, каждый отдельный человек не принимается во внимание, они становятся производными) приспособить к общему, универсальному или квазиуниверсальному международному праву. Однако здесь должно быть совсем другое понимание права: обязательства *erga omnes* не дают право выбора государства, перед которым ты обязан — ты несешь обязательства перед всей международной общественностью, в том числе перед всеми государствами, ее составляющими (а каждое из них имеет к тебе соответствующее обязательство, право и интерес спросить с тебя, как ты выполняешь свои), не предоставляют права государству наделять каждого конкретного субъекта (в том числе и физическое лицо) определенными правами, поскольку они уже их имеют, ты не можешь их лишить этих прав. Подобные обязательства лучше осознаются, если их рассматривать относительно интересов международного сообщества, а не относительно собственных интересов. Делить их на двусторонние правоотношения — означает совершенно не понимать их природы и сущности, как, кстати, и отождествлять с обычаями или универсальным международным правом, из которого можно выводить и билатеральные правоотношения. Вместе с тем положение о том, что обязательства *erga omnes* не дают право выбора государства, перед которым ты обязан, не означает, что ты не можешь его нарушить в отношениях с конкретным государством: они выполняются и не выполняются как в отношении международного сообщества в целом, так и в отношении каждого конкретного субъекта этого сообщества.

В современном общем международном праве четко прослеживается тенденция, с которой позитивисты вряд ли согласятся: не государство будет определять, каких прав человека, принятых в международном сообществе, оно будет придерживаться и гарантировать, а международное сообщество ставит соблюдение прав человека как условие для принятия государства в свою среду. И когда страны Восточной Европы попросились в Совет Европы, государства — члены европейского сообщества выдвинули им требования (в Декларации «Директивы о признании новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе» от 16 декабря 1991 г.) [27, 72], одоблив общую позицию относительно процедуры признания этих новых государств, которая требует уважать положения Устава ООН, и обязательств, согласованных в Заключительном акте в Хельсинки и в Парижской хартии, в особенности касающихся верховенства права и прав чело-

века. Лишь после того как государства взяли на себя обязательства, прошли процедуру проверки на готовность защищать, гарантировать и соблюдать права человека, они были приняты в Совет Европы.

Конечно, не каждое право человека дает основания ссылаться на обязательства *erga omnes* (по крайней мере, относительно права на жизнь или запрета пыток такие сомнения бесосновательны), существует перечень таких прав, в соблюдении которых государство может ссылаться на «свободу усмотрения». Но то, что государства навсегда должны забыть о таких принципах, как «даю то, что считаю необходимым» или «нет интереса — нет иска», также представляется несомненным. Канули в небытие ситуации, когда суверенитет государства рассматривался как святая святых, когда любое нарушение прав человека можно было спрятать за иммунитетом государства. Мы живем в другом мире. Подводя итоги практики Европейского суда по правам человека, бывший его председатель Л. Вильдхабер писал: «Где бы ни обсуждалась Конвенция, мы не переставали подчеркивать, что индивид находится в центре системы, что признание Конвенцией индивида как субъекта международного права произвело настоящий перелом, и предоставление индивиду международной защиты его прав не должно ослабевать» [28, 5].

Это понял профессор Г. Игнатенко и убедительно защищал международно-правовой статус индивида. К сожалению, этого не понимают многие из его ученых-соотечественников. Что ж, история науки международного права знает немало примеров, когда идеи ученого опережали его время. Но хотелось бы, чтобы уже ученики убедились в правоте доктрины своего учителя и уже не просто соглашались с ней, но и дальше ее развивали. Это было бы лучшей памятью о нем.

3. Определение социальной ценности современного международного права. Каждый раз, как только мировое сообщество подвергается очередному испытанию на прочность созданного миропорядка, основное его внимание направляется на международное право. И каждый раз высказываются те же суждения о нем. Одни считают, что международное право не сможет помочь сообществу преодолеть трудности, другие предлагают различные модели его трансформации (довольно часто вплоть до создания нового международного права), по мнению третьих — международное право способно преодолеть любое испытание, если рационально подходить к его нормативному массиву. Не является исключением в этой динамике развития мирового сообщества и современный этап, который уже получил название — этап глобализации мира. И здесь, как и ранее, одни поют панегирик международному праву; другие снова заговорили о реформировании международного права; третьи, не паникуя, предлагают собственные методы усовершенствования международно-правового регулирования новых проблем сосуществования мирового сообщества.

Собственно к третьей категории ученых принадлежал профессор Г. В. Игнатенко, который предусматривал вероятность возникновения современных проблем, хотя, возможно, и не часто прибегал к общепринятой сегодня терминологии. Но он никогда не подвергал сомнению возможности современного международного права и, пожалуй, в большей степени потому, что глубже и всесторонне исследовал социальную ценность этого права. И поэтому там, где у других высказываются апокалиптические прогнозы, он говорит о путях и методах выхода из очередного испытания. Так, он прекрасно понимал слож-

ности современного международного права: «В современном международном праве совмещены противоречивые тенденции — тенденция к поддержанию единых общепризнанных принципов международного правопорядка, к которым, прежде всего, относятся принципы суверенного равенства государств, невмешательства в их внутренние дела, неприменения силы и угрозы силой и др., и тенденция к противопоставлению интересам международного сообщества в целом корыстных интересов отдельных государств и групп государств.

...Такой деформированный правопорядок, при котором отдельные, считающие себя привилегированными, государства претендуют на особый статус и решающую роль в мировой политике, юридически порочен, несовместим с общепризнанными и общеобязательными нормами *jus cogens*, отклонение от которых недопустимо и порождает международно-правовую ответственность. Подлинная безопасность и общественный прогресс достижимы только в условиях добросовестного соблюдения основ международного права» [10, 530–531].

Только две-три фразы, а как четко поставлен правовой диагноз. И все то, что другие сводят к результатам хаоса глобализации, у него находит четкое и простое объяснение. И тут же рецепт, как нужно выходить из сложившейся ситуации, по крайней мере, решить большинство возникающих проблем: «Современное международное право декларирует запрет агрессивных войн, насильственных методов решения межгосударственных споров, квалифицируя такие действия как международные преступления, преступления против мира и безопасности человечества. В международном праве выработан достаточно действенный механизм достижения и выполнения согласованных решений, применяются взаимоприемлемые процедуры урегулирования межгосударственных споров мирными средствами» [10, 530].

Он мыслил и определял социальную ценность международного права не абстрактными, общими характеристиками (феномен культуры международного сообщества, предпосылка функционирования субъектов этого права, специфическая сфера духа мирового сообщества, эйдетические, социокультурные международно-правовые ценности и т. п.), хотя и их учитывал в своих исследованиях, а в контексте его роли и возможности урегулирования отношений и усовершенствования мирового сообщества. Именно поэтому он говорил больше о международном праве как об общем, устойчивом и стабильном правовом порядке в международных отношениях, которые, благодаря его нормам и принципам, приобретают определенность и точность, оценку как правомерные или противоправные. Определением правомерности, законности в международных отношениях не завершается ценность международного права, поскольку его назначение — не только фиксация противоправного, но и восстановление правомерного через ответственность, санкции, принуждение. Ценность международного права также в том, что его нормы определяют предел свободы, меру справедливого. Оно является достаточно эффективным средством формирования и развития мирового сообщества и его правопорядка.

И опять-таки, устанавливая каждую из характерных особенностей социальной ценности международного права, он представляет их не абстрактно, а в конкретной привязке к реально функционирующему механизму международно-правового регулирования. Скажем, эффективность международного права у него выступает как сложная двуединая социально-юридическая категория [29, 3–16], которая «обуславливается содержанием нормативной регламентации:

- 1) соответствием согласованных норм объективным закономерностям общественного развития;
- 2) соответствием принятых государствами норм императивным нормам общего международного права *jus cogens*, основным принципам международного права;
- 3) своевременностью разработки норм с учетом насущных потребностей межгосударственного сотрудничества и степенью воплощения в правовых нормах интересов государств в процессе согласования;
- 4) определенностью и четкостью нормативных положений, исключающих или сводящих к минимуму возможность разноречивых толкований и разнотипных действий;
- 5) взаимосвязанностью и взаимообусловленностью правовых норм как элементов правовой системы» и «состоянием реализации правовых норм:
 - а) добросовестным выполнением государствами взятых на себя международных обязательств;
 - б) реализацией каждой правовой нормы в контексте основных принципов международного права и других, связанных с нею норм;
 - в) реализацией правовых норм в точном соответствии с целями международно-правового регулирования;
 - г) координацией международно-правовых и внутригосударственных правовых средств обеспечения реализации норм международного права;
 - д) активной позицией государств, гарантирующей в процессе правоприменительной деятельности достижение оптимальных результатов правового регулирования, в том числе и путем сочетания правовых и неправовых регулятивных средств» [29, 6–7].

Социальная ценность международного права раскрывается в реализации функций и социального назначения, которые профессор Г. Игнатенко сводил к трем основным направлениям правового регулирования:

- 1) поддержание и укрепление международного мира и безопасности в условиях мирного сосуществования государств, принятие коллективных мер по предупреждению и пресечению актов агрессии (и других форм противоправного применения силы) и по разоружению;
- 2) осуществление межгосударственного сотрудничества в экономической сфере (с учетом всемирного разделения труда), а также в социальной, научной и культурной сферах с целью всестороннего улучшения условий жизни людей, содействия благосостоянию народов;
- 3) проведение международных мер в целях ликвидации колониализма во всех его формах и проявлениях, ликвидации расизма и других преступных посягательств на права народов и человека [30, 58].

Об обоснованности определения функций международного права свидетельствует хотя бы тот факт, что, руководствуясь результатами своих исследований, Г. Игнатенко мог безошибочно прогнозировать состояние развития международного права. Так, раскрывая функцию проведения международных мероприятий с целью ликвидации расизма, он определил создание расистских режимов в Южной Родезии и Южно-Африканской Республике как разновидность международного преступления и предсказал ликвидацию так называемых квазигосударств. Коллеги-ученые тогда ему возразили: «Он принимает иногда

желаемое за действительное. Мы имеем в виду попытку Г. Игнатенко отказать в государственности Южной Родезии и особенно ЮАР» [30; 31, 326].

Как показало время, прогноз Г. Игнатенко был правильным. Под влиянием борьбы мирового сообщества и патриотически настроенных национальных сил не пройдет и десяти лет как с расистским режимом будет покончено в Южной Родезии, а через два десятилетия и в ЮАР.

4. Международное и внутригосударственное право: соотношение, взаимодействие, действие и реализация в правовых системах государств.

Начиная с научных исследований немецких авторов второй половины XIX в. и особенно после фундаментального исследования Г. Триппеля «Международное право и внутригосударственное право» (1899), в анализе учеными-юристами вопросов связи международного и национального права прошло несколько этапов:

- 1) анализ на уровне соотношения двух систем права и их правовых составляющих;
- 2) изучение их взаимодействия;
- 3) раскрытие проблем согласования источников, норм, отраслевых и системных подходов;
- 4) познание природы и сущности действия и реализации норм международного права в правовой системе конкретного государства.

Для первого этапа характерно формирование общего понимания правовой природы международного и внутригосударственного права как систем права, а нередко доктрин действия указанных систем права в соответствующих им правовых сферах. Основным содержанием второго этапа была критика взглядов своих предшественников или современников, с поиском точек соприкосновения компонентов и элементов систем права. Третий этап, в основном, отличался выявлением противоречий между внутригосударственным и международным правом и предложением путей их преодоления. На четвертом этапе, который продолжается и сейчас, основное внимание уделено действию и реализации актов (норм) международного права во внутригосударственной сфере.

Профессор Г. Игнатенко подключился к исследованию указанной проблематики на втором этапе общих исследований. И сделал это настолько удачно и эффективно, что теперь можно с полной уверенностью говорить о его собственной концепции, которая завоевала авторитет и доверие значительного количества отечественных и зарубежных ученых. Ведь, если оперировать определением школы международного права, то можно без сомнения утверждать, что он стал основоположником своеобразной школы взаимодействия международного и внутригосударственного права.

Его первой публикацией по этой проблеме была работа, которая называлась «Взаимодействие внутригосударственного и международного права», в которой он сразу же заявил о возможности исследования темы несколько в ином ракурсе, чем это было до него, в частности: выяснить роль национального права в выполнении международных договоров и реализации международно-правовых норм, а также исследовать непосредственное применение международно-правовых норм, сам механизм международно-правовой регламентации в сфере внутригосударственных отношений. То есть ученый считал, что для науки и практики реализации международного права недостаточно установить точки соприкосновения двух систем права и возможности их согласования, жизнь уже

требует перейти к анализу этой проблемы в динамике развития этих систем, в создании наиболее эффективного механизма применения норм международного права во внутригосударственной сфере.

Относительно советского законодательства он пришел к выводу, что оно не только допускало возможность применения международных договорных норм в сфере внутригосударственных отношений, но и обязывало государственные органы руководствоваться положениями международных договоров и применять их нормы. Он приводит конкретные сферы внутригосударственных отношений, в которых законодательно предусмотрена комплексная (совместное применение правовых норм внутригосударственного и международного права) регламентация. Такие сферы он причислял к предмету объединенного регулирования. Во избежание недоразумений при выяснении применяемого права он рекомендовал не путать понятия «источник права» и «правовой регулятор». Разработанную ученым концепцию объединенного предмета регулирования [32, 25–31] исследователи признали способной конструктивно решить важную проблему действия норм международного права во внутригосударственной сфере; указанная концепция не отрицает и основных постулатов теории права. Как правильно указывал Г. Игнатенко: «В теории разработаны аргументы в пользу концепции разграничения создаваемого государством права и применяемого государством и в государстве права. Первый комплекс образуют собственные нормы данного государства, принятые в установленном порядке его органами или в результате референдума и облеченные в соответствующую форму сформированные (конституция, законы, указы, постановления и т. д.). Второй комплекс значительно шире и сложнее, поскольку наряду с собственным правом государства он охватывает те нормы, которые находятся за пределами этого права, но либо специально предназначены для действия в сфере национальной юрисдикции, либо могут быть использованы в указанной сфере».

К ним относятся определенные нормы международного права, а также отдельные нормы иностранного права, применение которых предусматривается или допускается законами и международными договорами» [10, 532].

В целом, в концепции профессора Г. Игнатенко о международном и внутригосударственном праве охватываются результаты исследований всех четырех этапов научного постижения этой проблематики. Анализируя природу и соотношение международного и внутригосударственного права, он приходит к выводу, который принципиально отличается от тех, которые делали его коллеги по проблематике. Для него международное право — сложный правовой комплекс, предметом регулирования которого являются межгосударственные, другие международные отношения, а также определенные внутригосударственные отношения. Ни дуалистическая, ни монистическая доктрины такой комплексный предмет регулирования не признавали.

Исследуя взаимодействие международного и внутригосударственного права, он подчеркивает необходимость обращать внимание на два принципиально важных момента: факторы внешнего воздействия на такое взаимодействие и «внутренние факторы», непосредственно влияющие и корректирующие указанные взаимоотношения. К факторам внешней детерминации он относит, в первую очередь, объективное отражение взаимосвязи внутренней и внешней политики. К факторам внутреннего характера он относит методы и механизмы согласования этих правовых комплексов.

Профессор Г. Игнатенко был едва ли не первым среди исследователей, кто видел опасность в ограничении исследования взаимодействием международного и внутригосударственного права, поскольку оно (взаимодействие) хотя и позволяет перейти от статического к динамическому функционированию двух правовых комплексов, но еще не дает возможности всестороннего выяснения полной картины механизмов выхода и регулирования нормами международного права внутригосударственных отношений (как, кстати, национальным правом — международных отношений), и их совместное влияние на предмет правового регулирования, который формально совпадает.

Среди основополагающих принципов его концепции можно выделить выводы общего характера и такие, которые могут быть применены к конкретному внутригосударственному праву, «относительно общего и индивидуального регулирования» [33, 4].

К выводам общего характера можно отнести следующие:

1) квалификация внутригосударственного права и международного права, как самостоятельных правовых категорий, касается как методов нормотворчества, так и форм существования тех или иных правовых норм, правоприменительной практики;

2) за счет автономности функционирования внутригосударственного и международного права по отношению друг к другу, активного взаимодействия, вплоть до применения международно-правовых норм в сфере внутригосударственных отношений, нередко возникает иллюзия перехода норм одной системы права в другую;

3) иллюзия перехода норм порождает очередную иллюзию: трансформации международно-правовых норм в национально-правовые нормы, международных договоров во внутригосударственное законодательство, при котором ратификация, утверждение или просто официальное опубликование международных договоров превращает их (и соответствующие нормы) во внутригосударственные законы (и соответствующие нормы). Ученый приводит три основные причины неприемлемости такого умозаключения:

а) трансформация означает прекращение существования предмета, явления, которые трансформируются, но международным договорам такая судьба не свойственна;

б) если допустить, что эти суждения соответствуют реальности, то необходимо будет признать несуществующую ситуацию, когда на стадии правоприменения взаимодействие двух правовых систем заменяется только действием правовой системы государства, которая «поглощает» международные нормы;

в) традиционно в ряде отраслей национального права допускается применение норм иностранного законодательства, однако не высказывается предложение по трансформации этих норм в национальное законодательство и др.

Выводы общего характера у профессора Г. Игнатенко не являются отвлеченными от реальной практики или не касающимися конкретного внутригосударственного права. Такая взаимосвязь или «переход» позволяет ему сделать анализ межсистемных процессов и процедур, который он провел объективно и незаангажированно в отношении одной из систем права или привилегированной доктрины. Автор выступал против отнесения международных договоров к категории специфических источников внутригосударственного права (напри-

мер, административного, трудового или уголовно-процессуального права), против идеи «перевоплощения» международных договоров.

Логика его утверждений основывается на учете различных факторов, от понятийного аппарата до фактических ситуаций в «межсистемной сфере». «Сама природа понятийного аппарата, — считал он, — обуславливает “привязку” определенных правовых категорий к соответствующему правовому комплексу. Каждый правовой комплекс имеет свои источники, которые обладают способностью выполнять присвоенные им функции в рамках другого правового комплекса, не переходя в него, сохраняя «прописку» в собственном правовом комплексе» [15, 197].

По мнению ученого, в межсистемной сфере нормативные комплексы не могут формировать «собственные» институты или отрасли права, поскольку их нормативная совместимость не может подменить присущие каждой из систем права закономерности и требования к формированию ее «институтов» и «отраслей». Он считает, что «попытки, которые предпринимаются для конструирования “межсистемных отраслей” или “межсистемных институтов” кажутся искусственными и игнорирующими то обстоятельство, что принадлежащие различным правовым системам нормы взаимодействуют как нормативный комплекс, не в статическом состоянии, а в правоприменительном процессе, причем в целях решения конкретной задачи, урегулирования конкретного правоотношения. Такие группы разнотемных норм, состыкованные в определенных ситуациях, могут быть обозначены, как правоприменительные комплексы» [15, 197].

К не менее продуманным выводам профессор Г. Игнатенко пришел и в отношении взаимодействия источников и норм международного права с российским законодательством. Здесь он, прежде всего, отмечает, что принципы, нормы, международные договоры, не вмешиваясь во внутрисударственный нормативный комплекс, в российское законодательство, взаимодействуют с ним в правоотношениях, правоприменительном процессе, структуре правопорядка.

По его убеждению, законодательство Российской Федерации восприняло порядок приведения его норм в соответствие с международными договорами, существовавший в законодательстве СССР: придерживаясь принципа *pacta sunt servanda* и положений норм, которые уполномочивают или обязывают. Порядок применения норм международного права он разделяет на самостоятельный (без участия норм национального законодательства), совместное применение «родственных» норм двух систем права и приоритетное применение норм международного права в коллизионных ситуациях.

В целом, как уже отмечалось, концепция Г. Игнатенко нашла последователей, продолжателей дела своего учителя. Она с полным правом может считаться существенным вкладом в современную науку международного права.

Очевидно, что в одной научной статье невозможно охватить весь спектр многогранного таланта ученого. Его влияние на российскую, украинскую науку международного права других стран — несомненно. Это дает основания полагать, что более глубокий и всесторонний анализ научного наследия профессора Г. Игнатенко обогатит новыми данными современное правоведение. Идеи и мысли ученого, незаурядного таланта, не исчезают бесследно — они служат грядущим поколениям в решении их проблем.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. *Абдулаев М. И., Комаров С. А.* Проблемы теории государства и права. — СПб., 2003.
2. *Голунский С. А., Строгович М. С.* Теория государства и права. — М., 1940.
3. *Сырых В. М.* Теория государства и права. — М., 2004.
4. *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права. — М., 2000.
5. *Кельман М. С., Мурашин О. Г.* Загальна теорія права. — К., 2002.
6. *Марчук В. М., Ніколаєва Л. В.* Нариси з теорії права : навч. посіб. — К., 2004.
7. *Волинка К. Г.* Теорія держави і права. — К., 2003.
8. *Общая теория государства и права : академ. курс.* — М., 2001. — Т. 2.
9. *Марочкин С. Ю.* Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. — М., 2011.
10. *Теория государства и права : учеб. для вузов / под ред. В. М. Карельского, В. Д. Перевалова.* — 2-е изд. — М., 2000.
11. *Кельман М. С., Мурашин О. Г., Хома Н. М.* Загальна теорія держави і права. — Л., 2000, 2003.
12. *Советский ежегодник международного права, 1968.* — М., 1969.
13. *Захарова Н. В.* Индивид — субъект международного права // Советское государство и право. — 1989. — № 11.
14. *Международное право / под ред. Г. В. Игнатенко.* — М., 1995.
15. *Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов.* — М., 2006.
16. *Нешатаева Т. Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. — М., 1998.
17. *Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории).* — М., 1971.
18. *Пауканис Е. Б.* Очерки по международному праву. — М., 1935.
19. *Тункин Г. И.* Основы современного международного права. — М., 1956.
20. *Черниченко С. В.* Личность и международное право. — М., 1974.
21. *Захарова Н. В.* Под видом обеспечения прав человека. — М., 1971.
22. *Черниченко С. В.* Очерки по философии и международному праву. — М., 2009.
23. *South West Africa (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa (proceedings joined)) : Judgement of 21 december 1962 (Preliminary Objections) // JCI Reports.* — 1962.
24. *(Second Phase) Judgement of 18 July 1966 // JCI Reports.* — 1966.
25. *Barcelona Traction Light and Power Company Limited (Belgium v. Spain) : Jugement of 24 July 1964 (Preliminary Objections) // JCI Reports.* — 1964.
26. *(New Application) Judgement of 5 February 1970 // JCI Reports.* — 1970.
27. *European Journal of International Law.* — 1993. — Vol. 4. — № 1.
28. *Audience solennelle de la Cour Européenne des Droits de l'Homme a l'occasion de l'ouverture de l'annee judiciaire. 23 janvier 2003.* — Discours de M. Luzius Wildhaber, President de la Cour. — Strasbourg, 2003.
29. *Игнатенко Г. В.* Универсальность и эффективность международного права как взаимодействующие категории // Вопросы универсальности и эффективности международного права. — Свердловск, 1981.
30. *Игнатенко Г. В.* Международное право и общественный прогресс. — М., 1972.
31. *Советский ежегодник международного права, 1973.* — М., 1975.
32. *Игнатенко Г. В.* Взаимодействие внутригосударственного и международного права. — Свердловск, 1984.
33. *Игнатенко Г. В.* Акты о порядке исполнения международных договоров СССР в механизме реализации международно-правовых норм // Проблемы реализации норм международного права. — Свердловск, 1989.

Буткевич В. Г. Уральский бриллиант в короне науки международного права (вклад профессора Г. В. Игнатенко в развитие современной науки международного права)

Аннотация. В статье анализируется вклад профессора Г. Игнатенко в развитие современной науки международного права. Исследуется его жизненный путь и основные научные достижения; показан вклад Г. Игнатенко в развитие теории государства и права, изучение института международной правосубъектности, определение социальной ценности современного международного права, соотношения международного и внутригосударственного права.

Ключевые слова: наука международного права, теория международного права, система международного права, современное международное право, теория государства и права.

Butkevich V. Ural's Diamond in the Crown of International Legal Science (Contribution of Professor G. Ignatenko to the Development of Modern Science of International Law)

Annotation. An article investigates Professor G. Ignatenko's contribution to the contemporary science of international law. His life and main scientific achievements are analyzed. There is shown the contribution of Professor G. Ignatenko to the development of the general theory of law and state, study of the institute of international legal subjects, the social value of present day international law, correlation between international and municipal legal systems.

Key words: international legal science, theory of international law, system of international law, contemporary international law, theory of law and state.